

Я ВОСТРЕБОВАН — ЗНАЧИТ СЧАСТЛИВ

Недавно труппа Московского международного театрального центра имени Ермоловой отметила юбилей Зиновия Гердта. Вечер прошел в духе самых веселых актерских «капустников». А тон в нем задавал, конечно же, самый обаятельный и привлекательный — юбиляр...

Жизни, которой живет Зиновий Ефимович, можно позавидовать. Она насыщена событиями, встречами с интересными людьми. Его любят и как прекрасного актера театра и кино, и как великодушного собеседника, за всегда театральными гостиницами. Девять человек из десяти раскланиваются с ним на улицах и желают здоровья.

Но мало кто знает, что юность Зиновия Гердта была отнюдь не богемной, а самой настоящей пролетарской. Ему не было и пятнадцати лет, когда он поступил в ФЗУ...

— Зиновий Ефимович, что вас туда привело? Зов сердца или пролетарские корни?

— Какие корни! Сестра два института закончила, папы уже не было, мама была домохозяйкой и ничего в новой жизни не понимала. Пришлось разбираться самому. В фабрично-заводское училище поступить тогда считалось престижным. Я даже метрику подделал, чтобы навЕРЯКА приняли.

Мы верили в лозунги. Сказал Сталин: «Индустриализация всей страны» — значит, так надо. Вперед — и никаких сомнений. Три года учился и с дипломом слесаря-электрика пришел на Метрострой. Копать и бурить не довелось, но электроподстанции монтировал класно.

Садился в трамвай перемазанным, специально не мылся после смены. Гордился — рабочий мальчик. И в театру студию приходил таким — руки в мозолях и мазуте, под ногтями черно... Я ничуть не жалел о своем выборе. Это была романтика: вставать в шесть утра, спускаться в тоннель. А потом на Метрострое мне чрезвычайно нравилось и потому, что давали спецкарточки на питание. Это была совершенно необычная карточка — красная полоса по диагонали и над ней черным по белому: «Ударная круглосуточная сквозная». Звучит!

Работали в три смены. По такой карточке меня обслуживали в любое время суток на любом участке. И меню было особое, в нем даже мяско иногда присутствовало.

— Ваше состояние души было типичным для рабочих парней тех времен или вы ощущали себя «белой вороной»?

— Мы все были такие. В ФЗУ у нас подобралась какая-то «померанцевая группа». В основном мальчики из интеллигентных семей. Девушка, кудрявая, статная, ну просто барышня из прошлого столетия, стояла за тискама. Тоже пришла по зову. А первомайская демонстрация! Мы шли в одной колонне, дружно орало «По долинам и по взгорьям».

— Значит, сплошной энтузиазм? А теперь говорят, что все на страхе держалось...

— Это трудно объяснить вам, поколениям, живущим совсем в другое время. Еще не наступил тридцать седьмой. Но его уже предчувствовали. Народ страшно боялся. Были

драконовские законы. Опоздал на двадцать минут — представь справку из больницы или что-нибудь не менее весомое. Иначе — увольнение, а то и кое-что пострашнее. У меня так пострадала подруга. Работала библиотекарем, опоздала на двадцать пять минут. И закутулиась — завертелась машина — четыре года моталась по лагерям.

Но люди работали с энтузиазмом. И душевный настрой был. Верили, что стреляют, сажают, — это ошибки или Сталин не знает. А в целом жизнь у нас прекрасная, строим социализм. Когда вышел фильм «Веселые ребята», было чувство, что мы именно так и живем: курорты, пальмы, виллы, песни. Это и есть наша жизнь. На самом деле все было вранье. Лебедев-Кумач не написал ни одной правдивой строчки. Но он так чувствовал. И мы так чувствовали. А прекрасная музыка Дунаевского рассеивала последние сомнения — замечательно живем!..

— А что вы делали после работы? Оставались ли силы на свободное время? Ведь известно, как метростроевцы вкалывали.

— Свободное время тоже проводили с энтузиазмом. Тогда мы не знали никаких апатий, депрессий, умели радоваться жизни. Сталину нравился Чаплин. И повсюду шли фильмы с Чаплиным. Я, например, смотрел «Огни большого города» раз сорок. Чаплин стал моим учителем. Обожаю западные танцы. Под патефон могли танцевать до утра. В нынешнем кинотеатре «Ударник» был потрясающий танцевальный зал. Румба была моим коронным танцем. Я брал призы, считался одним из лучших танцоров! Но в основном, конечно, был погружен в театр...

— На войну вы уходили уже из театра?

— В тридцать восьмом Плучек и Арбузов создали свою знаменитую театр-студию, которая поначалу име-

новалась театром рабочей молодежи. Мы сами сочиняли пьесу «Город на заре» — о строительстве Комсомольска-на-Амуре. Каждый день после работы до глубокой ночи сначала сочиняли, потом репетировали.

В сороковом спектакль был готов. И это была сенсация. Наш театр стал самой горячей театральной точкой в Москве. Нас признали, студия получила статус государственной. Мы были счастливы, у нас были дивные планы... И все это рухнуло 22 июня. Очень скоро студию сделали фронтовым театром, она должна была обслуживать фронтовиков. Но десять из сорока шести ушли добровольцами в армию. Вернулись только трое...

— Вам повезло, среди них были и вы...

— Да, но я вернулся совсем другим. Тяжелое ранение наложило отпечаток на всю последующую жизнь. Я помню этот миг. Стоял солнечный февраль 42-го, белоснежные поля под Белгородом... Ясно вижу — это трудно забыть, — как движется черная громадина танка прямо на меня, из жерла пушки вырывается огонь. Страха не было. Это свойственно молодости — я не верил, что меня могут убить.

Потом три года мотался по госпиталю. Одиннадцать операций. И — хромота на всю жизнь. Сначала для меня это было страшной трагедией. Мне казалось, что актер не может быть хромым, а я не мог жить без театра. Так пришла мысль спрятаться за ширму. Куклы образцового театра долго разговаривали моим голосом... У Образцова я проработал 36 лет. Но продолжал мечтать о драматической сцене, хотел сыграть трагическую роль. Меня всегда несколько угнетало, что во мне видели комика. Моя самая любимая роль — король Лир, которого я сыграл за кадром в фильме Козинцева. Ведь Юри Ярвет не говорил по-русски. А потом меня пригласил Фокин в Ермоловский театр в спектакль «Костюмер». Это был новый виток судьбы, которая всегда ко мне благоволила...

— Многие ругают сегодняшнюю жизнь и печалются по старой. Чувствуете ли вы себя в ней комфортно?

— Чувствую себя сейчас вполне экономически независимым. Угнетает, что рядом много бедных и страждущих. Вот слушаю господина Чубайса — соловьем поет, с шахтерами удалось договориться, долги выплатят, забастовка предотвращена. И думаю: если уж вы, господин хороший, в такую ситуацию попали, отказались бы хоть раз от высокого жалованья. Этично ли есть «серебра», когда люди голодают?

На днях показали Воркуту. Большой ребенок, родовая травма. Сделали операцию. Это такое напряжение — и душевное, и финансовое — для семьи, друзей. А нужна новая операция. Я не успел записать номер счета, куда нужно направить деньги. Полчаса дозванивался до передачи. Дозвонился, дали редакторшу. Та защебетала: Зиновий Ефимович, Зиновий Ефимович!.. Извините, номер счета у меня дома, оставьте ваш номер телефона, я обязательно позвоню. Так и не позвонил! Откуда такая черствость? Недавно прихожу домой, а на лестнице ждет незнакомец. Удрученный такой. Оказалось, шахтер, приехал на прием в Онкологический центр, а его не принимают. Поехали вместе. Иногда «дико большая популярность» помогает.

— В творческой жизни нет проблем?

— Предложений много, — смеется Гердт, — приходится отказываться. Я не знаю простое, невостребованности. Только что радио предложило хорошую пьесу. А главное — впереди увлекательные съемки в «Ревизоре» по Гоголю. Снимает молодой Сергей Газаров. У меня роль попечителя училища Хлопова. Судью играет Янковский, Городничего — Никита Михалков. Играть в таком ансамбле — уже счастье...

Татьяна ХАРЛАМОВА.

На снимке: Паниковскому достался воделенный гусь, а картонный Гердт лишь саркастически улыбается... Фрагмент анкетного «капустника».

Фото В. ЯЦИНЫ (ИТАР — ТАСС).